УДК 008.2+394.014

АНТИУРБАНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Москва, Россия.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация
В статье рассматривается антиурбанизм как система мировоззрения и практических действий. Указываются его альтернативы, перспективы в условиях урбанизации.

Ключевые понятия:
антиурбанизм,
урбанизация,
город,
рурализация,
город-призрак.

Важнейшей тенденцией развития современного мира выступает рост количества городов, повышение их роли в историческом процессе, именуемый «урбанизацией». Она проявляется в различных формах. Во-первых, увеличением числа городов, где проживает более миллиона жителей. В 1900 г. их было 19, в 1960 г. – 141, к 2004 г. только мегаполисов (где живут более 10 млн чел.) насчитывалось 30 [4]. Во-вторых, происходит массовый переход (миграция) людей из сельских населенных пунктов в городские. Особенно сильно тенденция проявляется в развивающихся странах Юго-Восточной Азии. По оценкам Джона и Дорис Нейсбит, только в КНР «за первое десятилетие XXI века более 250 миллионов китайских работников-мигрантов покинули свои деревни ради работы в городе; это больше взрослого населения США – самое масштабное переселение в истории» [5, с. 243]. В-третьих, как отмечает И. Рамоне, «население неуклонно концентрируется в городах» [8, с.7]. Города стремительно занимают пространство планеты Земля таким образом, что при экстраполяции тренда в будущее кажется несомненным преобладание данной формы организации жизни людей над ранее господствовавшей сельской.

Однако несмотря на обозначенные тенденции, в нынешнем глобальном мире доминирует не только урбанизация. Укажем ее альтернативы. Одна из них – идущий в разных странах и при различных обстоятельствах процесс рурализации (от лат. слова «ruralis» – сельский, деревенский), т.е. оттока (возвращения) населения из городов в сельскую местность в связи с резким ухудшением экономической, продовольственной, экологической обстановки, а также по идейным (как правило, религиозным) соображениям. К примеру, экономико-продовольственная рурализация характерна для России периода Гражданской войны 1918–1921 гг., экологическая – для времен «позднего» СССР, когда люди массово покидали города вблизи Аральского моря или расположенные в зоне, примыкавшей к Чернобыльской АЭС, после аварии 1986 г. (Припять и др.). Уход из мирских, «греховных» городов в сельские, лесные «скиты» с целью свободного отправления культа осуществляли в XVII–XVIII вв. многие русские староверы.

Другой противоположный урбанизации феномен может проявляться в уходе

из города (в силу разных причин, обозначенных в отношении рурализации) не только значительной части, но и практически всех населявших его ранее жителей. Оставшаяся городская инфраструктура, лишенная людей, какое-то время сохраняется, но затем разрушается под действием природных сил. На мой взгляд, такой тип практического антиурбанизационного развития целесообразно назвать «город-призрак» [6, с. 53]. В XX в. особенно много заброшенных «городов» было в США во время и сразу после Великой депрессии [11, с. 313].

В данной работе автор рассматривает иную, гораздо менее заметную (а потому недостаточно подробно изученную учеными) альтернативу урбанизации, которую целесообразно назвать «антиурбанизмом». Это система теоретических построений и практических действий, негативно оценивающая роль городов в жизни людей, рассматривающая городские территории как сферу аморализма, скученности, хаоса, преступности, иных антисоциальных проявлений, настаивающая на необходимости обязательного переселения городского населения в сельскую местность. Следует подчеркнуть, что антиурбанизм включает две составляющих: теоретическую и практическую. Каждая из них активно влияет на другую. Это обстоятельство отличает антиурбанизм от рурализации и «городов-призраков», являющихся преимущественно практическими феноменами. Своеобразными формами «Ответов» населения городов на «Вызовы» внешней природной и/или социальной среды (если использовать термины А. Тойнби), включающими минимальный уровень теоретической рефлексии над происходящим.

Конечно, в рамках статьи нельзя полностью реконструировать становление антиурбанистических воззрений от древности до наших дней, рассмотреть все формы их практической реализации в истории человечества. Эта работа ждет исследователей – представителей разных гуманитарных дисциплин: историков, философов, социологов, психологов, политологов и т.д. Однако, по моему мнению, имеет смысл обозначить наиболее общие характеристики антиурбанизма как системы взглядов – с одной стороны, социального действия – с другой.

Антиурбанизм как тип мировоззрения распадается на религиозное и светское направления.

Специфический вариант негативного отношения к городам развивается в рамках христианства. Уже в Ветхом Завете есть эпизод, говорящий об этом. Города Содом и Гоморра удостоились жестокого наказания от Бога за свою греховность, связанную с массовой сексуальной распущенностью. Бог послал для проверки сведений об этом ангелов, поселившихся в доме единственного праведника из Содома Лота. Тогда «весь народ со всех концов города» потребовал в отношении гостей: «приведи их к нам; мы познаем их». В наказание Бог пролил на указанные города «дождем серу и огонь с неба», уничтожив «всех жителей городов сих», местность вокруг (Бытие XIX, 4–5; 24–25). Следовательно, для авторов библейских текстов как минимум некоторые города выступали источниками порока.

Указанные тенденции в наиболее полном виде получили продолжение у Бл. Августина. Он идет дальше Ветхого Завета. В нем видели ущербными, «греховными» только два конкретных города, которые Бог уничтожает с помощью «серного дождя» (хотя и в этом «царстве зла» есть отдельные «праведники»). Августин же (базируясь на традиции, разделявшей людей по отношению к «Вечному городу» – Риму, – на римлян и варваров) представляет человеческую цивилизацию в виде огромного греховного города – «Града Земного», противопоставляемого «Граду Небесному (Божьему)», или раю, откуда людей изгнали после «первородного греха» Адама и Евы. Судьба «Града Земного» печальна. Он исчезнет после Страшного Суда, когда праведники спасутся, а остальные жители – нет. Если «Граду Небесному» суждено «вечно царствовать с Богом», то «Земному» – «подвергнуться вечному наказанию с дьяволом» [1, с. 705]. Причем у Августина список «недостатков» городской жизни существенно больше, чем в Ветхом Завете.

Во-первых, преимущественный эгоизм его жителей. Ибо «Грады» созданы двумя родами любви: «земной – любовью к себе, дошедшей до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе» [1, с. 703]. Во-вторых, создатель первого города – Каин (Бытие IV, 17), «из зависти убивший своего брата» [1, с. 711]. Его жертва Авель – странник, стремившийся к «Граду Божьему». (В дохристианском, римском варианте легенды есть сходный эпизод: построение города Рима началось с убийства Ромулом брата

Рема [10, с. 16]). В-третьих, «Град Земной» конечен, «Божий» – бесконечен во времени. В-четвертых, «Град Земной» пронизан борьбой людей [1, с. 712]. «Божий» – находится в постоянной гармонии. В-пятых, цель «Земного Града» – чтить Бога, чтобы с его помощью «властвовать в земном мире... Добрые люди пользуются миром, чтобы наслаждаться Богом» [1, с. 716].

В итоге Августин объединяет человечество в два «Града»: «Земной» (несовершенный) и «Божий» (идеальный). Он противопоставляет данные типы «поселений» по следующим признакам, которые, на мой взгляд, следует обобщить в таблице.

Таблица 1

Характеристики «Града Земного» и «Града Божьего» в концепции Бл. Августина

№	«Град Земной»	«Град Божий»
1.	Эгоизм	Альтруизм
2.	Братоубийство, зависть, аморализм	Любовь к ближнему, стремление к Богу
3.	Рождение от испорченной грехом природы	Благодать, освобождающая природу от греха
4.	Конечен во временном существовании	Вечен
5.	Борьба различных сторонников зла, между злыми и добрыми людьми	Покой, мир, наличие исключительно добрых людей
6.	Корысть, прагматизм: почитание Бога для властвования (господства) в земном мире	Бескорыстие: мир – арена «безвозмездного» почитания Бога

Теоретический антиурбанизм носил не только религиозный, но и светский характер. С одной стороны, он включал обвинения городской среды в аморализме, греховности, чрезмерном прагматизме, иных пороках, фиксируемых ранее теологами, противопоставляя ей «чистую», «непорочную» сельскую местность. Однако одновременно мыслители того периода четко понимали, что «вернуться» к «естественной природе» суждено отдельным индивидам, но не человечеству. (В XVIII в. такой подход нашел наиболее яркое выражение у Ж.Ж. Руссо).

С другой стороны, светский антиурбанизм после эпохи Просвещения выдвигает и новые, социально-психологические, причины «порочности» городов. В XIX в., как полагает Г. Зиммель, «страстную ненависть» к большим городам испытывали такие «натуры», как Дж. Рескин и Ф. Ницше, для которых «ценность жизни заключается именно в несхематичном, своеобразном, не поддающемся равному для всех определению» [3, с. 4–5]. Следовательно, предельная рационализация, изгнание иррациональных элементов (особенно в финансовой сфере), виделась представителям «философии жизни» главным недостатком ее городской формы.

К началу XXI в., под влиянием глобализации, ее негативных проявлений (неконтролируемой миграции, противоречий по линии Север–Юг, роста экономического неравенства стран и т.д.), сформировался целый набор теоретических аргументов антиурбанизма. Обобщим их в следующих положениях. Во-первых, рост количества городов несоразмерен возможностям Земли по их содержанию. Он хаотичен, «все больше ускользает от ... контроля» [8, с. 7], что несет в перспективе человечеству жесткие конфликты в разных сферах социального бытия. Во-вторых, в мегаполисах (особенно в их богатых кварталах) вместо «красоты многообразия» властвует стандартизация (единообразие), нацеленная на воспроизводство глобальной (фактически – западной) культуры. От Киото до С.-Петербурга горожане смотрят одинаковые фильмы, поют одни и те же песни, надевают похожую одежду, сделанную рядом известных фирм [8, с. 39]. В-третьих, города из-за их чрезмерных размеров разрушают экологическое, социальное, экономическое равновесие. В-четвертых, в городах, аккумулирующих финансовые потоки, обостряется проблема противоречия между незначительной частью привилегированных и «массой» обездоленных, отверженных, не имеющих шансов стать состоятельными, получить достойное образование [8, с. 8]. Подобный тренд опять-таки чреват конфлик-

тностью. Это видно на примере городских бунтов в Лос-Анджелесе (1992 г.), Париже (2005 г.), Лондоне (2011 г.). По мнению критиков урбанизации, особенно печально, что указанные тенденции будут неизбежно накладываться друг на друга, что приведет человечество к еще большему дисбалансу.

Перспективы урбанизации в условиях усиливающегося, благодаря глобализации, антиурбанизма выступают довольно пессимистическими. Рамоне формулирует их так: «Мегаполисы Юга (Мехико, Сан-Паулу, Калькутта, Каир, Лагос, Шанхай) кажутся *предвозвестниками разрушения западной модели городского общества* (курсив мой – В.Н.). … Если взглянуть на пригороды Севера, кризис запирает в городах-гетто массы населения, лишенные перспектив на будущее и выражающие свое отчаяние частыми взрывами насилия» [8, с. 8].

Следует отметить: антиурбанизм существует не только в сфере теории или «бунта» как непосредственной реакции на урбанизацию, ее негативные черты. Он выступает и в форме специфической социальной практики, направленной на отрицание городов. Одни ее формы идут «снизу», из среды обездоленного сельского населения Юго-Восточной Азии, Южной Америки, Индии. Например, как пишет А. Буровский, индусское движение «Джан Сангх» требует (пока от своих сторонников) отказаться от технических благ западной цивилизации (железных дорог, двигателей внутреннего сгорания и т.д.). Покинуть города: «забросить многоэтажные дома и вернуться к тихой благолепной жизни предков в индусской деревне» [2, с. 218], т.е. к аграрному обществу. Возможные последствия массового использования такой «технологии» – гибель тысяч бывших горожан от голода, отсутствия привычной инфраструктуры, медицинской помощи, – адептов такой точки зрения не волнуют.

Более опасны, разрушительны формы антиурбанизма, генерируемые в обратном направлении – «сверху – вниз», от государственной власти (обладающей значительным «административным ресурсом», возможностью принуждения) на народ. Например, правившие Кампучией в 1975–1979 гг. сторонники радикальной марксистской группировки Пол Пота (т.н. «красные кхмеры») действительно «упразднили» города. Примечательно, что еще находясь в оппозиции, руководители данной организации активно критиковали урбанизацию. Так, Ху Юн* писал: город – «огромный насос, который выкачивает жизненные силы из кхмерской деревни. Необходимые для крестьянства товары, которые поставляет город, являются как бы наживкой. В действительности деревня дает городу больше, чем получает от него… Город – это враг, вместо того, чтобы помогать деревне, город ее безжалостно эксплуатирует… В хозяйствах крестьян-бедняков … современная техника совершенно не используется. Кхмерский крестьянин не обеспечен полностью даже простыми традиционными орудиями труда» [цит. по: 9, с. 27]. Казалось бы, из такого тезиса логичен вывод: раз ресурсы между городом и деревней перераспределяются неправильно, то следует изменить ситуацию, найти более справедливую форму их отношений. Однако «революционеры» предпочли выселить значительные массы горожан в сельскохозяйственные коммуны, где практиковалось обобществление любых предметов, вплоть до платков и зубных щеток. К тем, кто допускал «пережитки капитализма», применялись жестокие наказания: вплоть до смертной казни на месте. (Красные кхмеры не оригинальны. Они переняли соответствующий опыт у маоистского Китая, где лица, «провинившиеся» перед властью, включая будущего «архитектора» рыночных реформ в КНР Дэн Сяопина, выселялись в деревню для «перевоспитания». Переселение части населения городов Южного Вьетнама в сельскую местность совершили и власти другого социалистического государства – ДРВ после победы в гражданской войне в 1975 г. почти одновременно с «красными кхмерами» [9, с. 87]. Однако в «Демократической Кампучии» дело пошло гораздо дальше. Объектом антиурбанистической трансформации стали не отдельные личности или группы, а горожане в целом).

Важны и причины антиурбанизма. Как правило, их видят в дифференциации уровней жизни «золотого миллиарда» и остального человечества. Так, Буровский верно полагает, что за «опытом» Пол Пота, идеологией «Джан Сангх» ле-

*По иронии судьбы против антиурбанистической практики «красных кхмеров» в начале их правления публично протестовал именно Ху Юн, за что был убит в августе 1975 г. по приказу бывших соратников.

жит отрицание «западной цивилизации.., основанное на иррациональной ярости обездоленных и угнетенных. Тех, кто никогда не сможет сесть за руль хорошей машины с кондиционером, послать сына в университет, путешествовать по миру, останавливаясь даже в самых скромных отелях» [2, с. 219]. Его мнение справедливо. Однако только ли в экономическом неравенстве кроются истоки антиурбанизма? Подчас это – средство решения прагматической задачи, дающее негативные результаты.

Присмотримся с содержательной стороны к опыту «красных кхмеров» как первой последовательной попытке борьбы с урбанизацией в XX в. Переселение в деревню поначалу служило временной мерой. Дело в том, что в результате гражданской войны в городах Кампучии (особенно в столице Пномпене) скопились миллионы беженцев. Кормить их было нечем, а иностранная помощь была неприемлема по политико-идеологическим соображениям. Поэтому руководство красных кхмеров логично решило переселить «лишние рты» в деревню, чтобы они там смогли самостоятельно добыть продовольствие себе и стране. Конечно, осуществлялась такая политика жестокими, насильственными мерами. Так, в пути переселенцев в «коммуны» кормили рисом, но в дороге погибло примерно 10,5 тысячи из 2 миллионов горожан [9, с. 88]. Затем часть из них (рабочие промышленных предприятий, железнодорожники) новые власти вернули назад. Однако к оставшимся на селе в годы правления Пол Пота постоянно добавляли новых «спецпоселенцев», работавших в тяжелых и непривычных условиях с использованием методов максимального принуждения к физическому труду, существовавших на грани голодной смерти. Так, в конце 1975 г. официальная ежедневная норма выдачи риса в кампучийских «коммунах» составляла 250 г. (при нормативе Всемирной организации здравоохранения 450 г., т.е. в 1,5 раза больше). Это вело к высокой смертности бывших городских жителей. Интересно, что постепенно урожаи риса (на базе в т.ч. высокой квалификации прибывшей рабочей силы) повышались. Последнее позволило увеличить ежедневные нормы его потребления в ДРК [9, с. 95]. В целом же результат не оправдывал таких значительных человеческих жертв. Антиурбанизм у «красных кхмеров» превратился из временного в постоянное средство проведения политики, что привело к геноциду.

Итак, антиурбанизм – характерная черта современной цивилизации, которая сохранится в обозримом будущем. Он включает как теоретическую (в религиозном и светском вариантах), так и практическую составляющую, которые тесно связаны. Это одновременно система мировоззрения и вытекающего из него социального действия. В последнем случае он наиболее опасен, когда принимает формы государственной политики, опирающейся на волю значительной части управляемых народных масс. Тогда без больших человеческих жертв не обойтись. Вместе с тем антиурбанизм как теоретическая конструкция показывает различные «тупики», проблемы, противоречия, недостатки урбанизации. В этом плане он носит позитивный характер. Для того чтобы антиурбанизм не стал преобладающей установкой в сфере действия внутренняя (по уровню жизни населения) и внешняя (между собой) поляризация городов должна находиться под жестким контролем как на региональном, так и на глобальном уровнях. Решать эту проблему из какого-то одного «надгосударственного», транснационального центра нельзя. Важно помнить и другое: антиурбанизм продолжит существовать, потому что выступает существенным элементом антиглобалистского менталитета [7].

1. Августин Бл. О Граде Божием. Минск: Харвест, 2000. 1296 с.

2. Буровский А.В, Якуцени С.П. Завтра будет война! М.: Яуза-пресс, 2010. 352 с.

3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. N 3 (34). С. 1–12.

4. Краткий доклад ООН. Мониторинг мирового населения с уделением основного внимания распределению населения, урбанизации, внутренней миграции и развитию. Нью-Йорк: Изд-во ООН, 2009. 259 с.

5. Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. М.: Астрель, 2012. 315 с.

6. Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Образы «города будущего» в культуре XX – начала XXI вв.: мифы и реальность // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. N 3. Серия «Философские науки». С. 47–55.

7. Нехамкин В.А. Глобалистский и антиглобалистский менталитет // Историческая психология и социология истории. 2013. N 1. С. 147–165.

8. Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. 128 с.
9. Самородний О.А. Пол Пот. Камбоджа – империя на костях? М.: Алгоритм, 2013. 320 с.
10. Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. 1. М.: ЛАДОМИР, 2002. 702 с.
11. Хинштейн А.Е., Мединский В.Р. Кризис. М.: ОЛМА, 2009. 464 с.

References

1. St. Augustine (2000) O Grade Bozhiem [About the city of God]. Minsk: Harvest, 1296 [in Rus].
2. Burovskii A.V., Yakuceni S.P. (2010) Zavtra budet voina! [Tomorrow will be a war!]. Moscow, Yauza-press, 352 [in Rus].
3. Zimmel G. (2002) Logos, no 3 (34). pp. 1–12 [in Rus].
4. Kratkii doklad OON. Monitoring mirovogo naselenia s udeleniem osnovnogo vnimania raspredeleniu распределению naselenia, urbanizacii, vnutrennei migracii I razvitiu (2009) [Summary report of the United Nations. World population monitoring with emphasis on population distribution, urbanization, internal migration and development]. New-York, OON Published, 259 [in Rus].
5. Naisbitt Jh., Naisbitt D. (2012) Kitaiskie megatrendi: 8 stolpov novogo obchestva [China's Megatrends: the 8 pillars of a new society]. Moscow, Astrel', 315 [in Rus].
6. Nekhamkin V.A., Sachkova V.A. (2012) Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, no. 3, Series Philosophy, pp. 47–55 [in Rus].
7. Nekhamkin V.A. (2013) Istoricheskaya psihologia i sociologia istoriya, no. 1, pp. 147–165 [in Rus].
8. Ramone I. (2001) Geopolitika haosa [Geopolitics of chaos]. Moscow, TEIS, 128 p. [in Rus].
9. Samorodnij O.A. (2013) Pol Pot. Cambodzha-Imperija na Kostjh? [Pol Pot. Cambodia – the Empire on the bones?]. Moscow, Algoritm, 320 [in Rus].
10. Titus Livius (2002) Istorija Rima ot osnovanija Goroda [The history of Rome from the founding of the City]. Moscow, Ladomir, vol. 1, 702 [in Rus].
11. Hinstein A.E., Medinskij V.R. (2009) Krisis [The Crisis]. Moscow, OLMA, 464 [in Rus].

UDC 008.2+394.014

ANTIURBANIZM AS A SOCIAL PHENOMENON: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Nekhamkin Valeri Arkadyevich,
Bayman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation
The article considers antiurbanizm as a worldview and practical actions system. Specify alternatives, prospects for urbanization.

Key concepts:
antiurbanizm,
urbanization,
city,
ruralization,
ghost city.